

ПРЕЗУМПЦИЯ ЗНАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И СВОБОДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье в контексте задачи обеспечения доступности уголовного законодательства анализируется общеправовое правило «незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение» и на этой основе вносятся предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения в отношении преступлений в сфере экономической деятельности. Аргументируются выводы относительно совершенствования порядка опубликования новых законов, их обнародования, комментирования и разъяснения, об организации системы правового просвещения населения на новой основе, а также системы правовой учебы сотрудников экономических структур и осуществляющих в отношении их уголовно-правовой контроль сотрудников соответствующих правовых учреждений.

Ключевые слова: доступность уголовного законодательства, общеправовое правило, уголовное законодательство, практика его применения, преступления в сфере экономической деятельности, порядок опубликования законов, их обнародование, комментирование, разъяснение, правовое просвещение населения, правовая учеба, уголовно-правовой контроль, правовые учреждения.

Уголовное законодательство не предусматривает общеправового правила презумпции знания закона как условия вины и ответственности в качестве самостоятельного уголовно-правового принципа. Не возведены в статус принципов и такие правила, как, например, недопустимость применения уголовного закона в отношении деяний, не предусмотренных им в качестве преступлений, но аналогичных по отдельным признакам тем, которые им предусмотрены в качестве таковых (недопустимость применения уголовного закона по

аналогии¹), недопустимость применения в отношении деяния вновь принятого более строгого закона и обязательность применения в отношении деяния вновь принятого более мягкого закона (обязательность придания обратной силы вновь принятому более мягкому закону и недопустимость придания обратной силы вновь принятому более строгому закону²), не придание состоянию опьянения, независимо от его степени, значения обстоятельства, исключаящего вину и ответственность (за исключением случаев, когда это состояние сочетается с состоянием невменяемости, в том числе обусловленным факторами, не связанными напрямую с состоянием опьянения), приоритет российских законов перед законами других государств, обязательность действия российских законов на территории всего Земного Шара – в отношении наших граждан и лиц без гражданства (постоянно проживающих на территории Российской Федерации), а также в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства (не проживающих постоянно на нашей территории), совершивших преступления, посягающие на российские интересы.

Формально нет принципа презумпции знания закона как условия вины и ответственности и в других, помимо уголовного, отраслях законодательства. Но так как по существу все с детских лет (и особенно в школьные годы) знают о том, что нельзя брать чужое, портить вещи, вредить кому-либо каким-либо иным образом, а тем более обижать, бить кого-то, и вообще недопустимо делать все, за что могут осудить люди, то каждый, совершая нечто предосудительное, психологически готов к тому, что за него придется, так или иначе, от-

¹ В данном случае мы имеем дело с укоренившимся в уголовном законодательстве «сленгом» (ч. 2 ст. 3 УК РФ), который является неоправданным в силу не только его неопределенности, но и неверности по существу. Запрещается применение уголовного закона *по какой* аналогии, по аналогии *с чем, почему* запрещается... – все эти вопросы остаются недоступными для понимания в законодательной формулировке о том, что «применение уголовного закона по аналогии не допускается».

² Использование в ст. 10 УК РФ словосочетания «обратная сила уголовного закона» тоже следует признать некорректным – прежде всего, из-за его двусмысленности. Буквальное его прочтение может навести на мысль о том, что закон в каких-то случаях действует *вопреки* своему прямому назначению, а именно не укрепляет правопорядок, а «разлагает» его, действует не *против преступления*, а *против тех ценностей*, на которые оно посягает, то есть, как иногда полагают некоторые не подготовленные к семинарским занятиям студенты-юристы, не... «против преступника», а... «за него». Было бы более правильным использовать в законе несколько иные формулировки, а именно такие: 1) недопустимость несвоевременного применения нового более строгого закона, то есть закона, вступившего в силу уже после совершения деяния и усиливающего его наказуемость (или устанавливающего его наказуемость вновь); 2) обязательность применения более мягкого нового закона, то есть закона, вступившего в силу уже после совершения деяния, но смягчающего его наказуемость (или вовсе ее устранивающего).

вечать, в том числе собственными ущемлениями. И тем более каждому доподлинно известно, что сослаться на то, что предосудительные действия совершены «по незнанию», «по глупости», как бы «само собой» – себе дороже: «получишь» и за допущенное плохое поведение, и за ту «глупость», которая к нему привела – чтобы впредь был, так сказать, умнее, расторопнее, предусмотрительнее.

Все это вошло, можно сказать, в наши плоть и кровь, в само сердце, в сознание, душу. Применительно к правонарушениям сказанное приобрело характер неписаного правила, суть которого выражается обычно следующими всем известными словами: незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение. Справедливости данного правила учат и семья, и школа, и практика правосудия, и вообще все, что нас окружает.

Между тем, если говорить о сфере преступного поведения, то здесь, надо заменить, многие уголовно-правовые запреты формулируются в законе со ссылками на те или иные весьма *специфические* и к тому же *меняющиеся* правила. Это, например, запреты, формулируемые в *бланкетных диспозициях* уголовно-правовых норм, содержащих ссылки на меняющиеся нормы налогового, гражданского, административного, трудового и иного («внеуголовного») законодательства. Такого рода нормы, не теряя своей административно-правовой, гражданско-правовой или иной собственно отраслевой сущности, включаются при определенных условиях (например, при наступлении каких-либо тяжких последствий) в структуру соответствующих норм уголовного законодательства и становятся (хотя, понятно, и временно, лишь на время совершения соответствующего преступления и решения вопроса об ответственности за него) их неотъемлемой принадлежностью, органической составной частью, важным конструктивным признаком. Эти запреты касаются, в частности, крупных и особо крупных размеров ущербов, доходов, задолженности – например, в преступлениях в сфере экономической деятельности. Может быть, еще совсем недавно эти размеры были *одними*, а сегодня они становятся (в основном в связи с инфляционными процессами) уже *совершенно другими*.

Так, постоянно меняются крупный и особо крупный размеры неуплаченных налогов или сборов в составах налоговых преступлений. Если *еще вчера* они измерялись тысячами рублей, то *сегодня* – уже миллионами. Человек, ввиду, например, длительной зарубежной командировки, продолжительного нахождения на лечении, иных отвлечений или прочих извинительных обстоятельств, мог и не знать того, что его поведение, *еще совсем недавно* рассматривавшееся законом как вполне добропорядочное (или, по крайней мере, не выходящее за рамки дозволенного уголовным законом), *в настоящее время* уже признается преступлением – со всеми, разумеется, вытекающими отсюда последствиями. Наконец, человек мог просто вовремя не сориентироваться в меняющихся условиях, а следовательно, и в правовой сути собственного поведения – в частности, по причине особенностей своего интеллектуально-волевого состояния (постоянного или временного).

Как быть, во всех этих случаях? С одной стороны, закон, определяя понятие вины и его форм, ничего не говорит о *сознании* лицом правовой запрещенности деяния, признаваемого преступлением, но с другой – совершенно очевидно, что законы пишутся именно для людей, и законодатель, конечно же, *рассчитывает* на то, что люди их читают, вникают в их суть, достаточно отчетливо понимают пределы разрешенного поведения. То есть мудрый законодатель (иным он, разумеется, и не может быть по самой своей сути), нацеливая свои законодательные нововведения на ту или иную сферу жизнедеятельности острого уголовно-правового контроля, исходит из того, что граждане, ознакомившись с новациями и верно уяснив их суть, *будут* соблюдать установленные новые правовые требования. Отсюда вытекает обязанность законодателя постоянно знакомить граждан с издаваемыми им правовыми новациями, подробно трактовать их смысл, значение и назначение, разъяснять их содержание, пропагандировать важность и необходимость прислушиваться к новым правовым требованиям, неукоснительно их соблюдать, быть готовым к тому, чтобы, в случае их нарушения, отвечать за это.

В данной связи вспоминается давний случай. Еще в советское время одним из сибирских судов был оправдан привлеченный к ответственности за самогоноварение (был такой период в нашей истории, когда данное деяние признавалось преступлением) 89-летний сельский житель. На высказываемые по его адресу в судебном заседании упреки прокурора в недопустимости подобных действий старик неизменно отвечал недоумением: а почему..., а где это сказано..., читать не умею..., да и газет в деревне никто не выписывает..., радио тоже нет..., о телевизоре только слышал от кого-то..., продукты для браги в магазине не покупаю..., денег на это нет..., пенсия маленькая, на жизнь ее едва хватает, да и необходимости в том нет – все необходимое для этого дела в огороде растет... «Губишь, – продолжает наседать прокурор, – свое драгоценное здоровье». «Да нет, – отвечает незадачливый подсудимый, – на здоровье пока не жалею, скоро буду отмечать 90-летие... Дай бог и вам дожить до этих лет...». Постановляя по данному делу оправдательный приговор, суд сослался, на то, что привлекаемое к ответственности лицо *не осознавало* общественной опасности совершаемых действий – ввиду преклонного возраста и ряда других обстоятельств, не позволивших лицу быть осведомленным в соответствующих правовых требованиях.

Этот подсудимый в чем-то напоминал «злоумышленника» из известного одноименного чеховского рассказа – человека, который никак не мог взять в толк, в чем же его все-таки обвиняют – ведь отвинченная им от железнодорожного полотна для удилища гайка, по его собственному представлению, никак не могла привести к крушению поезда. «Злоумышленник», помнится, был все же осужден. Но если вникнуть в описанную писателем ситуацию, то можно прийти к выводу о том, что достаточных оснований для этого не было, так как никакого умысла (а тем более «злого») в его действиях не содержалось. Невежественный (в юридическом смысле) крестьянин не понимал не только запрещенности совершенных им действий, но и их общественной опасности. «... Нешто из-за одной отвинченной гайки крушение случится...», – недоумевал он. Заметим, что, ко всему прочему, во времена А.П.Чехова такие люди

(жители сельской местности) сплошь и рядом были неграмотными. С законами их никто, понятно, не знакомил, само понятие «правовое просвещение населения» тогда вообще отсутствовало, а миссия священнослужителей в общении с прихожанами ограничивалась в основном лишь самыми общими взятыми из Библии поучениями – типа «не убий», «не укради» и т.п. Да и тогдашнее правосудие далеко еще не «доросло» до того понимания вины, которое свойственно современному правосудию.

Однако, несмотря на наш просвещенный XXI век – век освоения Космоса, сплошной грамотности населения, компьютеров и всеобъемлющей мобильной связи, Интернета, кабельного и спутникового телевидения, теле- и радиокommunikационных систем, по существу поголовной автомобилизации и начала внедрения нанотехнологий, век, когда, благодаря широкой сети юридических вузов, едва ли не в каждом доме есть уже свой дипломированный юрист, ситуация с правовой грамотностью населения с тех пор в принципе все же мало в чем изменилась. Во-первых, изданиями законодательных, правительственных и иных официальных органов киоски не торгуют, так как их давно уже никто не покупает – и скучно, и накладно, и необходимости в их приобретении вроде бы особой не ощущается (жива еще в народе шутка: «Много будешь знать – быстро состаришься»). Что касается радио и телевидения, то они давно уже напрочь устранились от своей прямой обязанности информировать население о новых законах. Предпочитают развлекать и веселить нас, да к тому же выкраивать время для рекламы. Депутаты же поддерживают «связь с народом» (если поддерживают вообще) только в периоды избирательных кампаний. А, во-вторых, в действующее законодательство вносится так много изменений, что уследить за всеми ими практически невозможно. Даже профессиональные юристы испытывают в этом определенные затруднения. В связи с чем, кстати, правовая работа все еще грешит ошибками, в том числе подчас весьма существенными. К тому же рядовые россияне настолько придавлены повседневными заботами, что ни на что другое у них просто не хватает времени.

Проблему правовой осведомленности наших граждан следует, как представляется, решать с нескольких сторон. Во-первых, само законодательство должно стать более стабильным. Нельзя его менять едва ли не каждый божий день. Если не грянула (не дай бог) война и не наступили еще какие-либо другие чрезвычайные обстоятельства, то новые законоположения должны, накапливаясь, публиковаться едиными пакетами с какой-то более или менее устойчивой периодичностью – допустим, раз в три, четыре или шесть месяцев. Во-вторых, законы должны готовиться на понятном, доступном для всех языке. В-третьих, одновременно с новыми законами должны публиковаться также их *официальные* комментарии (а не просто их доктринальные интерпретации). В-четвертых, целесообразно одновременно публиковать и сведения об общих принципах новых законоположений. Это существенно способствовало бы повышению уровня юридической грамотности населения. В-пятых, важно установить официальный запрет на введение законов в силу *в день опубликования*, так как в стране немало таких местностей, куда «Российская газета» (издание, оперативно публикующее официальные тексты новых законов) доходит только спустя дни, недели или даже месяцы (если, конечно, вообще доходит). В-шестых, требуется установить такой порядок, при котором опубликование новых законов сопровождалось бы и их *реальным обнародованием*, в том числе посредством прессы, а также лекций и индивидуальных бесед, которые проводились бы как опытными юристами, так и студентами-старшекурсниками юридических вузов. Кстати, здесь весьма сгодился бы и потенциал негосударственного высшего юридического образования, которое сегодня не обругивает (часто необоснованно) разве что только ленивый. Наконец, в-седьмых, пакеты новых законоположений со всеми необходимыми приложениями к ним должны, как представляется, бесплатно направляться в каждую семью, каждую квартиру, каждый индивидуальный дом – конечно же, под роспись.

Все это в совокупности не позволит нарушителю закона ссылаться на его незнание. Да и претензии государства на статус *правового* станут в этом случае более обоснованными, а следовательно, и более оправданными. Если еще в

древнейшие времена короли и другие монархи обнародовали принимаемые установления обычно громогласно и повсеместно, заставляя свои боевые отряды объезжать буквально все селения, трубя сборы и с выражениями «Слушайте, слушайте, слушайте... И не говорите потом, что вы этого не слышали...» внедряли в сознание людей то, что от них требовала власть, то тем более *сегодня* мы должны тоже многое делать в этом же направлении – безусловно, трудном, но очень важном и крайне обязательном.

В данной связи представляется целесообразным во всех трех предложениях п. 3 ст. 15 Конституции РФ термин «опубликование» дополнить термином «обнародование» – естественно, с усилением акцента на последнем термине. Новая редакция данного пункта видится нам в следующем виде: «Законы и иные нормативные правовые акты подлежат обязательному официальному опубликованию для всеобщего сведения, а также их повсеместному обнародованию, состоящему, как минимум, в бесплатной доставке текстов официально опубликованных законов в каждую семью, каждый дом, каждую квартиру – с разъяснением сути опубликованных законов в специальных приложениях и непосредственно, то есть в форме публичных лекций, а при необходимости – и в форме индивидуальных бесед. Неопубликованные официально и должным образом обнародованные законы не применяются. Опубликованные и должным образом обнародованные законы вводятся в силу не ранее одного месяца после их полного обнародования (если обстоятельства не требуют более быстрого введения их в силу), а в необходимых случаях – не ранее трех, четырех, пяти или шести месяцев, если сложившиеся обстоятельства не требуют более продолжительных сроков введения опубликованных законов в силу – например, одного года, двух или трех лет. Опубликованный закон считается в полной мере обнародованным после доставки его текста со всеми необходимыми комментаторскими и разъяснительными приложениями в каждый дом, каждую квартиру, семью (под роспись) и проведения соответствующей лекции, а при необходимости – еще и индивидуальной беседы по месту жительства граждан. Любые нормативные правовые акты, в особенности за-

трагивающие права, свободы, законные интересы и обязанности гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения и должным образом не обнародованы».

Полагаем, что правило презумпции знания *уголовного* закона следует возвести (для правильного понимания данного закона и с учетом его особой строгости) в статус *принципа* уголовного законодательства – с закреплением его в этом законодательстве (например, в нововведенной ст. 5.1 УК РФ) в следующем виде:

«Статья 5.1. Принцип презумпции знания уголовного закона

Нарушение уголовного закона вследствие его незнания влечет уголовную ответственность на общих оснований, если такое незнание не касается запретов, формулируемых со ссылками на специфические и меняющиеся правила, относящиеся к другим отраслям законодательства, и не явилось следствием иных извинительных обстоятельств – например, не исключających вменяемости интеллектуально-волевых особенностей нарушителя закона. Если такое незнание касается запретов, формулируемых со ссылками на специфические и меняющиеся правила, относящиеся к другим отраслям законодательства, или явилось следствием иных извинительных обстоятельств – например, не исключających вменяемости особенностей интеллектуально-волевого состояния нарушителя закона, то суд, установив эти обстоятельства и признав их извинительными, принимает решение об отсутствии вины у лица, совершившего соответствующее деяние».

Особо важное значение имеет презумпция знания уголовного закона как условия вины и ответственности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности. Главные особенности рассматриваемого вопроса в отношении названных преступлений состоят, прежде всего, в том, что их составы, во-первых – многосложны (складываются из множества признаков, в том числе альтернативного характера), во-вторых – характеризуются экономическим содержанием, в том числе малоизвестным широкому кругу граждан (а часто – вообще ему неизвестным, уже в силу специфики самих используемых

законом терминов: рынок, манипулирование рынком, инсайдерская информация, инвестор, ценные бумаги, реестр владельцев ценных бумаг, предпринимательская деятельность, система депозитарного учета, государственный кадастр недвижимости, акционер, совет директоров, наблюдательный совет, хозяйственное общество, юридическое лицо, единый государственный реестр юридических лиц, легализация имущества, приобретенного преступным путем, государственное пробирное клеймо, коммерческая, банковская, налоговая тайна, товарный знак, знак обслуживания, наименование места происхождения товара, сделка, конкуренция, кредит, кредитор, кредиторская задолженность, кредитные расчетные карты, иные платежные документы, экспортный контроль, таможенный контроль, средства таможенной идентификации, декларирование, банкротство, налоговый агент и др.), в-третьих – описаны с использованием бланкетных диспозиций, в-четвертых – содержат меняющиеся признаки, характерные для таких диспозиций, и, в-пятых – постоянно дополняются новыми составами.

Достаточно сказать, что только за четыре месяца 2010 года (апрель-июль) Федеральными законами от 7 апреля, 6 мая, 17 июня, 1 и 27 июля в главу 22 УК РФ («Преступления в сфере экономической деятельности») включено 15 нововведений, в том числе в девять статей внесены изменения (в ст. 169, 171, 174, 176, 184, 185, 191, 193 и 194), две статьи изложены в новой редакции (ст. 174.1 и 183.3), одна статья признана утратившей силу (ст. 173 – лжепредпринимательство), появились три новые статьи (ст. 170.1 – фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета, ст. 185.5 – фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества, ст. 185.6 – неправомерное использование инсайдерской информации).

Всего же за неполных полутора десятилетий действия УК РФ 1996 года в 22-ю главу Кодекса внесено более ста изменений. Ни одна статья данной главы не осталась без той или иной корректировки, а редакции ряда статей во-

обще заменены новыми. Десять статей включены в эту главу дополнительно (ст. 170.1, 174.1, 185.1-185.6, 199.1, 199.2), а три – признаны утратившими силу (уже упоминавшаяся статья 173, а также статьи 182 и 200). На данный момент глава 22 УК РФ насчитывает 39 статей, и их количество, как можно предположить, еще будет пополняться – например, статьями об ответственности за банкротство, допущенное в силу грубой небрежности, за использование теневых форм ведения предпринимательской деятельности, за привлечение предпринимателем к своей (предпринимательской) деятельности должностных лиц, для которых занятие такой деятельностью запрещено законом, за использование при осуществлении предпринимательской деятельности преимуществ, обусловленных незаконными протекционистскими действиями³. Предполагается декриминализация незаконного ввоза в Российскую Федерацию культурных ценностей – с переводом данного деяния в ведение административно-правовой юрисдикции, и усиление ответственности за незаконный ввоз в Российскую Федерацию оружия, наркотиков, а также других предметов, веществ или устройств повышенной опасности, а равно запрещенных к ввозу в Российскую Федерацию документов, информационных, литературных или иных подобных материалов.

Обращает на себя внимание то, что почти все перечисленные выше новые законоположения (за редкими исключениями), включены в УК РФ с введением их в действие *со дня опубликования*. Устанавливая, так сказать, «молниеносные» сроки введения в действие уголовно-правовых новаций, законодатель, конечно же, не может не знать, что у россиян нет такого обыкновения, чтобы каждое утро идти к газетному киоску и покупать там свежий номер «Российской газеты». А получив его, первым делом знакомиться с новыми за-

³ В данной связи нельзя не упомянуть о миллиардерше Елене Батуриной, чье огромное состояние стало возможным благодаря протекционизму со стороны ее супруга – мэра Москвы Ю.М.Лужкова. Мэр, безусловно, лукавит, заявляя о том, что его супруга является настолько талантливым бизнесменом, что если бы она не была его супругой, то была бы раз в десять богаче. Но куда уж больше? Предоставленная Ю.М.Лужковым супруге «охранная грамота», избавившая «бизнесвумен» от проблем с заключением приоритетных договоров, с налоговиками, вымогателями взяток и прочими большими и малыми «помехами» обеспечила ей «режим максимального благоприятствования» и, тем самым, вознесла ее к вершинам мировых успехов в бизнесе. Но, оставаясь в зоне уголовно-правового контроля, как сама Елена Батурина, так и ее высокопоставленный супруг, едва ли могут рассчитывать на «охранную грамоту» со стороны высшего руководства страны. Пока еще принцип законности никто не отменял.

коноположениями. Тем более трудно на это рассчитывать, что люди по утрам обычно идут *на работу*, а не в газетные киоски. Киоски, которые, кстати, в это время *еще* закрыты. Когда же люди приходят с работы, они *уже* закрыты. Домохозяйкам же, пенсионерам и тем более прочим малоимущим людям (малооплачиваемые категории граждан, безработные, бомжи, алкоголики, наркоманы, криминалитет и др. – в общей сложности таковых насчитывается в стране порядка 50-60 миллионов человек⁴) – не до «Российской газеты». Да и денег на ее приобретение у них нет. Не говоря уже о затруднениях с подпиской на это издание, дороговизна которой отпугивает, как известно, даже достаточно состоятельных людей. Получается так, что справедлива и сегодня известная еще с советских времен и казавшаяся тогда несколько циничной констатация, состоящая в том, что в нашей стране попасть «под статью» можно с такой же легкостью, что и под дождь, под снег, под трамвай или... под горячую руку распоясавшегося пьяного хулигана.

Почему же, спрашивается, законодатель все-таки идет на подобное крайне нерациональное (если не сказать – вообще абсурдное) решение? Причина этому может быть только одна: лишь такими грозными решениями *правовое* государство, как оно себя позиционирует в п. 1 ст. 1 Конституции РФ, может хоть как-то «напугать» наших далеко «неправовых», по общему правилу, граждан, то есть людей, основательно пораженных правовым нигилизмом. Таким образом, право до сих пор играет у нас роль не только «ночного сторожа», но в какой-то мере – еще и «огородного пугала». Чтобы снять с него этот позорящий жупел, надо не только отсрочить время введения в силу принятых и опубликованных законов – например, до одного, двух или трех месяцев (а в некоторых случаях и на более продолжительные сроки – скажем, на период от трех до шести месяцев или даже, если принимается, например, новый Кодекс – на период от одного года до трех лет), но и провести ряд других актуальных в рассматриваемом плане мероприятий, в том числе, например, следующих.

⁴ Цифра эта заставляет задуматься. Если к ней прибавить чиновников и сотрудников иных непроизводительных сфер, то получится так, что в стране у нас действительно «один с сошкой, а семеро с ложкой». Надеемся, для экономистов (как и для других специалистов соответствующего профиля) сказанное станет достаточно интересной «информацией к размышлению».

Важно как можно основательнее освободить главу 22 УК РФ от составов со специальным субъектом, переведя их в значительной части в сферу административно-правовой юрисдикции. Уголовно-правовой контроль над соответствующей категорией лиц можно было бы оставить в основном в отношении случаев, когда контроль административно-правовой над соответствующими лицами оказывается по причине мягкого реагирования неэффективным. То есть предлагается шире использовать в уголовном законодательстве ту административно-правовую преюдицию, о которой говорил еще в своем ноябрьском (2009 г.) Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент РФ Д.А.Медведев.

Надлежит также всерьез подумать о том, чтобы принятие всего отраслевого и межотраслевого законодательства, включая, разумеется, и законодательство уголовное, перевести в ведение регионов, а точнее – федеральных округов. Субъекты РФ, входящие в соответствующие федеральные округа, могли бы в этом случае «договариваться» между собой о том, какое именно им необходимо отраслевое и межотраслевое законодательство. Естественно, за федеральным центром было бы целесообразным в таком случае закрепить право принимать *основы* отраслей законодательства и *основы* соответствующих блоков межотраслевого законодательства, то есть принципы и иные общие положения названных отраслей и блоков. Так решался данный вопрос в бывшем СССР, так (или примерно так) он решается и сегодня в США. В огромном государстве, каким все еще является наша страна, расположенная в двух частях света, иной подход чреват излишней централизацией законодательной власти, что способно приводить (и подчас приводит) к сбоям, конфликтам центра с регионами, шаткости в регионах позиций федерального центра, не способного подчас обеспечить повсеместно достаточно прочный правопорядок. В случае реализации внесенного предложения Центральная Россия могла бы иметь свой федеральный уголовный кодекс (по типу американского федерального округа Колумбия), а остальные регионы – соответственно свои региональные уголовные кодексы (по региональным федеральным округам).

Но здесь возникает вопрос о том, а не ухудшит ли регионализация отраслевого и межотраслевого законодательства позиции граждан в их осведомленности относительно состояния данного законодательства в *других* регионах, где приходится им бывать в связи с командировками, отдыхом и прочими «житейскими» обстоятельствами. Полагаем, что не ухудшит. Ведь когда нам приходится выезжать по тем или иным причинам за рубеж, мы же не страдаем от того, что там действуют не такие, как у нас, законы. Просто при переездах люди ведут себя осмотрительнее. При необходимости они знакомятся с интересующими их законоположениями страны пребывания, становясь при этом, кстати, и более юридическими грамотными в целом.

В народе говорят: со своим уставом в чужой монастырь не суйся. И это — совершенно правильно. Даже в каждой отдельной семье существуют какие-то свои устои, нормы, правила, каноны, но, как известно, это отнюдь не мешает людям общаться, в том числе «дружить домами». Более того, это даже *способствует* установлению и укреплению межсемейных отношений (и межличностных тоже). Следовательно, в случае регионализации законодательства отношения между регионами станут, как можно предположить, еще более крепкими, еще более стабильными, ровными, более активно совершенствующимися. Россия, наконец-то, навсегда обретет издавна желанный для нее статус «единой и неделимой». В этом случае регионы могли бы взять на себя и все заботы по опубликованию и обнародованию новых законов, доведению их до всеобщего сведения, официальному их комментированию, разъяснению гражданам и т.д. Повысилась бы в регионах и научно-исследовательская активность, обеспечивающую высокую эффективность реализации законов, их устойчивое и полноценное развитие, достаточно полный учет региональных особенностей. Федеральный центр получил бы в таком случае и более широкие возможности для формирования принципов, общих положений и основных направлений общероссийской правовой политики.

Следует установить порядок, при котором за законодательными нововведениями закреплялись бы имена инициаторов их принятия — с указанием,

разумеется, и имен разработчиков новых законоположений. Инициаторы нововведений могли бы публиковать в изданиях, содержащих тексты новаций, их развернутые обоснования, а разработчики новаций – кроме того, их главную суть, значение, назначение, важность, актуальность, порядок применения и т.д. Иначе получается так, что новые законоположения после их опубликования на какое-то время как бы «повисают в воздухе», поскольку их не понимают должным образом ни те, кто должен их соблюдать, ни те, кто должен их применять.

Кстати, еще и по этой причине теряется смысл в *скоропалительном* введении законодательных новаций в силу. Высказанное выше предложение о предоставлении гражданам времени, достаточного для осмысления сути законодательных нововведений (как и времени, необходимого правоприменителям для того же самого), может быть аргументировано, помимо прочего, еще и тем соображением, что такое время могло бы использоваться для целей активизации деятельности юридического аналитического сообщества в направлении, с одной стороны, правового просвещения населения, с другой – организации правовой учебы тех категорий лиц, в отношении которых установлен соответствующий правовой (уголовно-правовой, административно-правовой или иной правовой) контроль, а с третьей – организации системы консультирования сотрудников правовых учреждений, осуществляющих соответствующую уголовно-правовую юрисдикцию.

Вся эта просветительская, учебная и консультационная работа могла бы осуществляться, в частности, преподавателями *факультетов (отделов, отделений, других структур) повышения квалификации сотрудников соответствующих экономических структур и сотрудников соответствующих правовых учреждений* юридических вузов и юридических факультетов институтов, университетов, академий. Если речь идет о правовой учебе сотрудников соответствующих экономических структур и консультировании сотрудников соответствующих правовых учреждений, то в отношении их возможны и заочные формы такой работы, но с обязательным собеседованием с преподавателем и,

может быть, с проставлением соответствующих отметок в документах, отражающих успехи сотрудника в его профессиональном становлении. Наличие у сотрудников соответствующих экономических структур необходимых правовых знаний могло бы рассматриваться в качестве одного из важных лицензионных требований, а наличие таких знаний у сотрудников соответствующих правовых учреждений – в качестве одного из существенных требований, предъявляемых при решении вопроса о продвижении сотрудника по службе.

Ликвидация наблюдаемого в настоящее время процесса постоянного углубления правовой неграмотности лиц, работающих в экономических структурах и в связи с этим находящихся под жестким уголовно-правовым контролем – процесса, вызванного, прежде всего, валом законодательных нововведений, порождаемых условиями переходного периода, безусловно, придала бы реальную жизнь принципу презумпции знания закона как условия вины и ответственности в уголовном праве, и, конечно же, в значительной мере способствовала бы предупреждению и пресечению преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, а следовательно, и повышению эффективности данной деятельности – деятельности, все еще судьбоносной для современной России.

Сведения об авторе:

Панченко Павел Николаевич,
зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса
Нижегородского филиала
Государственного университета – Высшей школы экономики,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН, член РАЮН,
член Российской криминологической ассоциации,
руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам
Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде.

Рабочий адрес: 603155, г. Нижний Новгород, 155, ул. Большая Печерская, 25/12, Нижегородский филиал Государственного университета – Высшая школа экономики, Факультет права, Кафедра уголовного права и уголовного процесса, кабинет 110.

Рабочий телефон: 8-(831)-4-16-95-35. Электронный адрес: panvest@mail.ru

Адрес для корреспонденции: 603132, г. Нижний Новгород, 132, а/я 293. Панченко Павлу Николаевичу. Домашний адрес по регистрации: 603132, г. Нижний Новгород, 132, ул. Даргомыжского, дом 19, корп. 5, кв. 67. Домашний телефон: 8-(831)-2-58-81-29. Моб. тел.: 8-910-108-0-171.